

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов, А.Н. Бадер

ПАРФЯНСКИЕ СЮЖЕТЫ
В «ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО»
КУРЦИЯ РУФА

Как известно, история походов Александра Македонского отражена в пяти основных нарративных источниках: сочинениях Арриана, Курция Руфа, Плутарха, Диодора и Юстина. Все они в современной историографии обычно называются вторичными, поскольку ни один из этих авторов не был современником описываемых событий – все они жили уже в римское время, и их труды целиком основаны на предшествующей литературной традиции: сочинениях современников и участников событий (Каллисфен, Харет Митиленский, Онесикрит, Неарх, Птолемей Лаг, Аристокл, на трудах авторов, не принимавших участия в походе, но в силу обстоятельств знакомых с его участниками (Клитарх); наконец, на текстах эллинистического времени (Диал Афинский, Дурус Самосский, Тимаген и др.), восходящих к упомянутым выше трудам¹.

Поскольку все перечисленные авторы сочинений об Александре жили много позднее описываемых ими событий, в их работах можно найти указания на факты последующего времени, которые эти писатели в силу тех или иных причин считали необходимым включить в их тексты. Анализ характера содержащихся в них указаний на более поздние события приводит к выводу, что их можно достаточно отчетливо разделить на две группы. В первую входят «Анабасис Александра» Арриана, XVII книга «Исторической библиотеки» Диодора и «Жизнеописание Александра» Плутарха; во вторую – XI и XII книги труда Юстина «Эпитама сочинения Помпея Трога "Historiarum Philippicarum"» и «История Александра Македонского» Курция Руфа.

Для авторов первой группы ссылки на последующие события не играют существенной роли в их повествовании. Они появляются почти случайно и служат только для «оживления» текста или демонстрации эрудиции автора. Арриан, например, делая одно из таких сопоставлений событий времени Александра с тем, что произошло позднее, простодушно объясняет этот экскурс тем, что «это стоит упоминания» (Anab. V. 7. 3). В «Анабасисе» Арриана имеются следующие отступления такого рода: о системе управления Египтом после завоевания Александром – в римское время², о судьбе статуи Гармония и Аристоклтона³, о методах строительства мос-

¹Levi M.A. Introduzione ad Alessandro Magno. Milano, 1977. P. 109–342; Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1981. S. 25–42; Маринович Л.П. Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 22–65.

²Говорят, что Александр разделил власть над Египтом между многими людьми, восхищаясь природой этой страны, которая представляла собой естественную крепость: поэтому он счел небезопасным вручить управление всего Египта одному человеку. Римляне, думается мне, научились от Александра зорко следить за Египтом: поэтому и посылают сюда наместниками не сенаторов, а только людей из всаднического сословия» (Arr. Anab. III. 7. 7). Мы пользуемся следующими изданиями и переводами сочинения Арриана: Arrian. Anabasis Alexandri in Two Volumes, with an English Translation by E.I. Robson. L.-Cambr. Mass., 1961–1966; Arrian. Der Alexanderzug. Indische Geschichte (Griechisch und Deutsch) / Übers. von G. Wirt, O. von Hinuber. Bd I–II. В., 1985; Арриан. Поход Александра / Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеевко. М.-Л., 1962.

³Говоря о взятии Суз, Арриан указывает, что помимо денежных сокровищ, захваченных в этом городе, там было найдено и большое число различных предметов, в свое время вывезенных из Греции во время нашествия Ксеркса. Среди них он отмечает и медные статуи Гармония и Аристоклтона и в связи с этим дает следующее пояснение: «Александр отправил их обратно афинянам, и теперь эти статуи находятся в Афинах, в Керамике, там, где начинается подъем на акрополь, почти напротив Метроона и недалеко от алтаря Эвданемов. Посвященный в элевсинские таинства знает, что алтарь Эвданема находится на площадке» (Anab. III. 16. 7–8). Это место в тексте остается не совсем ясным, см. подробнее: Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. V. I. Oxf., 1980. P. 317–319.

тов⁴, о предсказаниях смерти Александру и, позднее, Пердикке и Антигону⁵, о предсказании будущего Селевку⁶. Как легко можно видеть, в появлении их в тексте нет определенной системы и общей идеи.

В той части труда Диодора, которая посвящена Александру, подобных сопоставлений почти нет. Мы только можем указать на сравнение действий Александра, распутившего свой флот, и Агафокла, приказавшего сжечь свои корабли⁷. Имеется еще одно место в тексте, которое можно было бы истолковать в том же смысле, но оно представляется несколько сомнительным⁸.

Очень показательна биография Александра, написанная Плутархом. В отличие от обычной схемы автор не дает традиционного «Сопоставления» после пары сравниваемых биографий (в данном случае Александра и Цезаря). В самом же тексте биографии Александра мест, где говорится о событиях более позднего времени, очень немного: рассказ о «дубе Александра»⁹, сопоставление смертей индийского муд-

---

⁴Сообщая о возведении Александром моста через реку Инд, Арриан с сожалением замечает, что его источники не дают информации ни о том, какой именно мост был построен, ни о способах строительства. В связи с этим он рассказывает о методах строительства мостов, применявшихся римлянами (Anab. V. 7. 1–5).

⁵Их предсказал один и тот же человек и аналогичным способом (Arr. Anab. VII. 18. 5).

⁶Арриан приводит знаменитый эпизод с упавшей с головы Александра диадемой. Приведа известные ему версии о том, кто именно из сопровождавших царя лиц сумел достать диадему и как Александр отблагодарил его за это («некоторые авторы»: финикийский моряк, который получил талант, но немедленно был казнен; Ариостбул: финикийский моряк, который получил талант, но был высечен), Арриан в конце концов сообщает ту версию, которая, судя по контексту, казалась ему наиболее вероятной: диадему достал Селевк. Эту версию Арриан завершает следующей сентенцией: «Это предвещало Александру смерть, а Селевку – великое царство. Что из тех, кто принял власть после Александра, Селевк был самым крупным человеком, что он обладал наиболее царственным образом мыслей и правил обширнейшей после Александра страной – это, по-моему, не подлежит сомнению» (Anab. VII. 22. 5.)

⁷Рассказав о том, что македонский царь распустил эллинский флот, поскольку у него не было средств на его оплату, Диодор тут же приводит и другую версию этого решения царя (XVII. 23. 1): «Некоторые говорят, что Александр распустил флот с хитрым расчетом. Он поджидал Дария; предстояло большое и грозное сражение, и Александр решил, что македонцы будут сражаться мужественно, если у них отнять надежду на спасение бегством». Затем Диодор указывает, что, в сущности, тот же самый прием Александром был применен в битве при Гранике, когда река позади македонской армии делала невозможным отступление. Наконец, после этого он переходит к событиям эллинистической эпохи: «Впоследствии Агафокл, царь сиракузский, следуя примеру Александра, одержал неожиданную и большую победу. Высадившись в Ливии с небольшим войском, он сжег корабли, отнял у своих солдат надежду спастись бегством, заставил их тем самым храбро сражаться и победил карфагенян, выступивших против него с многочисленным войском» (XVII. 23.2–3). Мы пользуемся следующими изданиями и переводами Диодора: Diodorus of Sicily in Twelve Volumes. V. VIII / With an English Translation by C.B. Welles. L.-Cambr. Mass., 1970; Diodore de Sicile. Bibliothèque historique. Livre XVII. Texte établi et traduit par P. Goukowsky. P., 1976; Диодор. Историческая библиотека. Книга XVII (пер. М.Е. Сергеевко) // Арриан. Поход Александра / Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеевко. М.-Л., 1962. С. 294–366.

⁸В нем говорится о посещении Александром страны келонов, «где и поныне живут беотийцы, которые во время похода Ксеркса были согнаны со своих мест, но еще помнили родные законы. Говорили они на двух языках: на одном, который уподоблял их местным жителям, и на другом, в котором сохранилось большинство греческих слов; сохранили они и некоторые обычаи» (Diod. XVII. 110. 4–5). Трудно сказать, как в данном контексте следует понимать *ἔθνη*: как указание на время самого Диодора, на время жизни автора, послужившего для него источником, или же на время посещения страны келонов Александром.

⁹Рассказывая об участии Александра Македонского в битве при Херонее, Плутарх отмечает, что «и в наши дни показывают старый дуб у реки Кефиса – так называемый дуб Александра, возле которого стояла его палатка; неподалеку находятся могилы македонян» (Alex. IX). Мы пользовались переводом М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х томах. Изд. подг. М.Е. Грабарь-Пассек и С.П. Маркиш. Т. II. М., 1963.

реца Калана и не названного по имени индийца, жившего во время Цезаря¹⁰, сообщение о том, какой ужас внушал Александр Кассандру¹¹.

Таким образом, и у Плутарха все обращения к событиям времени после Александра не играют серьезной роли в повествовании, хотя у него в этих обращениях имеется система: каждый раз упоминание порождено каким-либо памятником (природным или созданным человеком) – дубом Александра, надгробием индийца или статуей македонского царя в Дельфах.

Итак, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что у всех авторов, которых мы объединили в первую группу, в описаниях жизни Александра обращения к более позднему времени редки, носят более или менее случайный характер, не занимают значительного места среди художественных средств и не играют существенной роли в изложении идей автора.

Иная картина наблюдается в трудах авторов второй группы. У Юстина также имеется немного обращений ко времени после Александра – всего два. Однако они не носят столь случайного характера. Первое содержится в рассказе о пленении и смерти персидского царя Дария¹², второе – в рассказе о назначении Александром правителя в Парфию¹³. Ясно принципиальное отличие этой информации Юстина от того, что мы видели у Арриана, Диодора и Плутарха. Оба сюжета в тексте Юстина касаются самых основных проблем будущего – возникновения Парфянского государства и перехода к нему *imperium* от македонян.

Близкую картину мы видим и в труде Курция Руфа. В его тексте имеется девять бесспорных мест, содержащих обращения к событиям времени после Александра. Два из них связаны с римскими проблемами. Одно, считающееся основным для определения времени жизни Курция Руфа и соответственно времени создания его произведения, связано с восхвалением не названного по имени римского принцепса, положившего конец раздорам в римской державе. При описании конфликта в македонской армии сразу после смерти Александра автор прославляет монархическую власть, которая одна дает порядок (Curt. X. 9. 1–6; см. ниже). Второе место – рассказ о судьбе города Тира, который, как известно, выдерживал долгое время осаду войск Александра, но затем был взят штурмом, причем его население частично было перебито, частично обращено в рабство. Рассказав об этих трагических событиях, Курций Руф (IV. 4. 21), однако, заканчивает эпизод на оптимистической ноте в ключе, который был столь обычным и у римских, и у греческих писателей ранней Римской империи. Остальные семь сюжетов обращены к разным эпизодам истории Востока. Один из них связан с судьбой города Александрия Эсхата (Curt. VII. 7. 27), шесть – с историей Парфии.

Вообще, парфянские сюжеты разбросаны почти по всему тексту Курция Руфа. Впервые парфяне появляются в его описании построения войск Дария в битве при Ар-

¹⁰Сообщая достаточно подробно о смерти индийского мудреца Калана, Плутарх добавляет: «Много лет спустя в Афинах то же самое совершил другой индеец, находившийся тогда в свите Цезаря. До сих пор там можно видеть могильный памятник, который называют надгробием индийца» (Alex. LXIX).

¹¹Рассказывая о том, какой страх вызывал Александр у своих приближенных, Плутарх особо упоминает Кассандра: «Вообще, как сообщают, непреоборимый страх перед Александром так глубоко проник в душу Кассандра и так прочно в ней укоренился, что много лет спустя, когда Кассандр, к тому времени уже царь македонян и властитель Греции, однажды прогуливался по Дельфам и, разглядывая статуи, неожиданно увидел изображение Александра, он почувствовал головокружение, задрожал всем телом и едва смог прийти в себя» (Alex. LXXIV).

¹²*Interea Dareus in gratiam victoris a cognatis suis aureis compendius catenisque in vico Parthorum Thara vincitur, (credo ita dis immortalibus vindicantibus, ut in terra eorum, qui successuri imperio erant, Persarum regnum finiretur (Just. XI. 15. 1–2). Мы пользуемся следующим изданием текста: Iustinus. Trogi Pompei Historiarum Philippicarum Epitoma. Recensuit I. Ieep. Editio minor. Lipsiae, 1876, а также переводом: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского под ред. М.Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1954. № 2–4; 1955. № 1.*

¹³*Parthis deinde domitis praefectus his statuitur ex nobilibus Persarum Andragoras: inde postea originem Parthorum reges habuere (Just. XII. 4. 12).*

беле¹⁴, где подробно, хотя и путано, рассказывается о левом фланге персидской армии (правому флангу уделяется меньшее внимание). Место парфянских отрядов указано так, что не ясно, находились ли они в арьергарде левого крыла или же рядом с центром построения: «племя парфиенов, заселявшее земли, занятые теперь парфянами, происшедшими из Скифии, замыкало все движение» (Curt. IV. 12. 11). Необходимо указать, что вставленная в описание боевого порядка информация о парфянах и парфянах не связана с основной линией рассказа автора, она никак не помогает понять характер построения войск и степень их боеспособности. Кроме того, в очень длинном списке народов, которые были представлены в армии персидского царя и упомянуты в данной части текста – бактрийцы, дахи, арахоты, сузиане, массагеты, персы, марды, согдийцы, каспии, инды, жители берегов Красного моря, греки, армяне из Малой Армении, вавилоняне, белиты, жители Коссейских гор, фригийцы, катаоны, армяне из Великой Армении, кадусии, каппадокийцы, сирийцы, мидяне – только два народа достигают дополнительной характеристики. Один – это парфиены, другой – гортуи (Curt. IV. 12. 11). В отношении других народов в лучшем случае сообщаются имя командира и степень его знатности (обычно же – имя командира, руководившего контингентами из нескольких народов).

Следующее место, связанное с историей парфян, – рассказ о судьбе Персеполя. Как известно, во время похода Александра этот город пострадал как никакой другой, и даже дворец персидских царей был сожжен при участии самого Александра. После описания гибели города Курций Руф делает следующую ремарку: «Однако город был восстановлен не очень много времени спустя после его разрушения. И другие города захватили македонские цари, а теперь ими владеют парфяне» (V. 7. 9)¹⁵. Мы не станем снова исследовать достоверность указанных фактов и их ценность для истории Парфии. Для нас сейчас важнее соотношение данного пассажа с общей структурой раздела. Приведенный отрывок не связан органически с последующим текстом и, более того, находится с ним в прямом противоречии, так как сразу за ним следует утверждение, несомненно, связанное по смыслу с предшествующим текстом и плохо согласующееся с процитированным фрагментом: «Следов столицы нельзя было и найти, если бы их не указала река Аракс, протекавшая недалеко от городских стен; поэтому окрестные жители только на веру принимают предание о том, что какой-то город находился в двадцати стадиях от реки» (Curt. V. 7. 9). Есть все основания полагать, что интересующий нас пассаж является вставкой в первоначальный текст – вставкой, которая плохо согласована как с предыдущей, так и последующей его частями.

Еще одно место в сочинении Курция Руфа, где снова совершается скачок из периода Александра в последующее время – это сообщение о городе Экбатаны. Рассказывая о действиях Александра, автор затем переходит к описанию положения Дария: «Тот (т.е. Дарий. – Прим. авт.) между тем достиг города Экбатан. Это столица Мидии; теперь ею владеют парфяне, и она летняя резиденция их царей» (V. 8. 1)¹⁶. Хотя в данном месте и нет столь разительного противоречия с остальным текстом, как это было в предыдущем случае, однако и здесь вставка, характеризующая последующую историю города, не кажется изначально принадлежащей основному тексту, так как содержащаяся в ней информация лишена логической связи с основным повествованием.

Наконец, мы приходим к тому месту, где автор наиболее подробно говорит о возникновении Парфянского государства: «Оттуда царь отправился в Парфиену, к малоизвестному тогда народу, теперь же стоящему во главе всех народов за реками Тигр и Евфрат, до самого Красного моря. Равнинную и плодородную часть этого

¹⁴Это естественно, так как только к моменту этой битвы царь Дарий сумел мобилизовать силы восточных сатрапов (*Шахермайр* Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 163 сл.).

¹⁵Ac ne tam longa quidem aetate, quae excidium eius secuta est, resurrexit. Alias urbes habuere Macedonum reges, quas nunc habent Parthi.

¹⁶Ille iam Ecbatana pervenerat. Caput Mediae urbs haec; nunc tenent Parthi, eaque aestiva agentibus sedes est.

пространства захватили скифы, до сих пор опасные соседи. Они живут в Европе и в Азии. Те, что живут над Боспором, считаются азиатами, а живущие в Европе распространились по области от левой стороны Фракии до Борисфена и оттуда до другой реки – Танаиса. Танаис протекает между Европой и Азией. Нет сомнения в том, что скифы, от которых произошли парфяне, пришли не от Боспора, но из европейских стран» (Curt. VI. 2. 12–14). Это место в отличие от ряда других более или менее согласуется с остальным текстом и не выглядит как грубая интерполяция. Однако трудно отказаться от впечатления, что и этот отрывок помещен в уже написанный текст. В пользу этого говорит полное отсутствие параллельных мест: ни один другой народ в сочинении Курция Руфа не удостоивается подобного экскурса. Это впечатление еще более усиливается при чтении фразы, следующей непосредственно за рассматриваемым фрагментом. В ней говорится о Гекатомпиле: «Был в это время прославлен город Гекатомпил, основанный греками» (Curt. VI. 2. 15). Данная фраза представляется совершенно неуместной, поскольку в период Александра (или тем более до него) этот город на севере Ирана никак не мог быть основан греками, возникновение греческого полиса в Гекатомпиле имело место несколько десятилетий спустя. Можно полагать, что эта вставка в основной текст была связана с необходимостью пояснить, почему именно в Гекатомпиле царь оставался несколько дней, но упоминание о греческом происхождении города в данном контексте ничем не оправдано. Это усиливает наши подозрения относительно того, относилась ли и предыдущая справка к оригинальному тексту. То обстоятельство, что фраза о Гекатомпиле следует непосредственно за кратким экскурсом о ранней истории Парфии, позволяет предположить, что обе вставки были извлечены из одного и того же источника.

Наконец, последнее место в сочинении Курция Руфа, содержащее указание на события более позднего времени, – рассказ о завоевании Маргианы: «Перейдя затем реки Ох и Окс, он (Александр. – *Авт.*) прибыл к городу Маргиана. Поблизости были выбраны места для основания шести крепостей, для двух из них к югу, для четырех к востоку от этого города, на близком расстоянии друг от друга, чтобы не искать далеко взаимной помощи. Все они были расположены на высоких холмах; прежде – как узда для покоренных племен, ныне, забыв о своем происхождении, они служат тем, над кем когда-то господствовали» (Curt. VII. 10. 15–16). Как мы видим, последняя фраза в этом фрагменте указывает на последующую историю македонских укреплений в Маргиане. Конечно, здесь имеются в виду парфяне, которые стали после македонян хозяевами Маргианы. Данная вставка не имеет прямого отношения к изложению событий и вставлена в текст, чтобы «актуализировать» рассказ автора.

В сочинении Курция Руфа имеется еще одно место, где, возможно, также речь идет о времени после Александра, однако это упоминание не совсем ясно. Мы имеем в виду описание Вавилона (Curt. V. 1. 24–35)¹⁷.

Таким образом – налицо принципиально различное использование сюжетов «из будущего» у выделенных нами двух групп авторов. В трудах Арриана, Диодора (той его части, которая посвящена Александру) и Плутарха обращают на себя внимание бессистемность и случайность этой информации, отсутствие какой-либо общей идеи в ее введении в текст. В то же время в текстах Юстина (той его части, которая посвящена Александру) и Курция Руфа можно отметить несомненную целенаправленность в использовании материалов, касающихся более позднего времени. В соответствующих частях труда Юстина эти вставки исключительно, а в труде Курция Руфа почти исключительно связаны с парфянской историей. Можно не сомневаться, что подобный подбор материалов не случаен, а порожден какими-то специфическими причинами.

¹⁷Некоторые места в описании Вавилона таковы, что создается впечатление, что Курций Руф имеет в виду именно город его времени. В частности, таково именно завершение описания им «всячких садов»: «И хотя время постепенно разрушает не только творение рук человеческих, но и природу, эта машина, несущая на себе тяжесть целой рощи со столькими корнями деревьев, остается невредимой» (Curt. V. 1. 34).

Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что в момент написания этих трудов парфянский вопрос имел особую значимость для римского общества и поэтому авторы стремились «актуализировать» свои произведения, вводя в них информацию относительно аршакидского государства. Не касаясь сейчас специально труда Юстина (и Помпея Трога) и, в частности, отражения в нем проблем парфянской истории, поскольку это отдельная большая проблема (как известно, в «*Historiarum Philippicatum*» имеются специальные значительные по объему разделы, посвященные Парфии), мы сосредоточим свое внимание на труде Курция Руфа. Наши наблюдения в какой-то степени могут помочь в решении чрезвычайно сложного вопроса относительно времени жизни автора и времени создания его произведения.

Как известно, этот вопрос до сего времени остается дискуссионным. Как уже говорилось, ключевым для датировки является следующее место в тексте: «Судьба готовила македонскому народу гражданские войны, ибо царская власть неделима, а добивались ее многие. Итак, сначала силы были собраны, потом они рассеялись, и так как брали на себя бремя выше своих сил, отдельные части тела отказались служить, и империя, прочно державшаяся на плечах одного, распалась, когда ее стало подпирать несколько человек. Поэтому по праву и справедливости римский народ признает, что обязан своим спасением принцепсу, явившемуся как новое светило в ночи, которую мы считали уже своей последней. Именно его появление, а не восход солнца, вернуло свет миру, погруженному во мрак, лишенному головы, трепещущему всеми членами от распрей. Сколько факелов пожара оно тогда погасило, сколько мечей вложило в ножны! Какая буря сменилась ясной погодой! Империя не только оживает, она процветает! Да не коснется его никакая зависть! Да процветает на долгие годы, — о, если бы и на вечные времена — благополучие его дома!» (Curt. X. 9. 1–6). Однако из текста не ясно, кого именно из римских императоров имел в виду автор. Ответ на этот вопрос в литературе нового времени давался самый различный: от Августа до Константина, но подавляющее большинство исследователей склонны считать, что «кандидатуру» надо искать среди императоров I в. н.э., с чем мы совершенно согласны¹⁸. Труд Курция Руфа, вероятно, был написан тогда, когда парфянский вопрос для Римской империи имел очень большую актуальность. Таковы были два периода: время Августа и время Нерона. Датировка первым периодом менее вероятна, поскольку главное, с точки зрения римлян, событие того времени — мирное возвращение захваченных ранее парфянами пленных и legionных значков — никак не отражено в тексте. Если бы Курций Руф писал в эпоху Августа, для него было бы совершенно невозможным не упомянуть о таком событии (трудно найти римского автора августовского времени, который бы не упомянул об этом). Думается, что более вероятно датировка окончательной редакции текста временем Нерона. При

¹⁸Предположения о дате жизни Курция Руфа и литература, посвященная этой проблеме, огромны, поэтому мы укажем только важнейшие работы и основные точки зрения. Время Августа: *Tarn W.W. Alexander the Great. V. I. Cambr., 1948. P. 322–326.* Время Клавдия: *Dosson S. Étude sur Quinte-Curce. Sa vie et son œuvre. P., 1887. P. 18–54; Wehrli C. La place de Trogue Pompée et Quinte-Curce dans l'historiographie romaine // Revue des Études Latines. 1961. 39. P. 65.* Время Нерона: *Verdière R. Quinte-Curce, écrivain néronien // Wiener Studien. 1966. T. LXXXIX. Время Гальбы: Milns R.D. The Date of Curtius Rufus and the Historiae Alexandri // Latomus. 1966. T. 25. Fasc. 3. P. 490–507.* Время Веспасиана: *Stroux J. Die Zeit des Curtius Rufus // Philologus. 1929. 84. S. 233–251; Instinsky H.U. Zur Kontroverse um Datierung des Curtius Rufus // Hermes. 1962. 90. S. 379–382.* Время Адриана: *Domaszewski A. von. Die Phalangen Alexanders und Caesars Legionen // Sitzungsber. der Heidelberger Akad. der Wiss. Phil.-hist. Kl. 1925/1926. Heidelberg, 1926. S. 3–5; Scheda G. Zur Datierung des Curtius Rufus // Historia. 1969. Bd XVIII. Ht 3. Время Септимия Севера: *Steele R.B. Quintus Curtius Rufus // American Journal of Philology. 1915. 36. P. 402–423; Altheim F. Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum. Bd I. Halle, 1948. S. 159–164; Altheim F., Stiehl R. Die Araber in der alten Welt. Bd I. B., 1964. S. 40–64.* Время Александра Севера: *Grizet E. Per l'interpretazione di Curtio Rufo 10, 9, 1–6 e la datazione dell'opera // Rivista di Studi Classici. 1964. 12. P. 160–164.* Более широкие датировки: *Atkinson J.E. Curtius Rufus' Historiae Alexandri and the Principate // Actes de la XII Conférence internationale d'études classiques «Eirene». Cluj-Napoca, 2–7 octobre 1972. Bucuresti, 1975 (в целом, эпоха принципата); *Levi M. Introduzione ad Alessandro Magno. Milano, 1977. P. 178 (эпоха Флавиев).***

этом можно думать, что когда разразился конфликт, работа Курция Руфа была в основном закончена, и автор вставлял парфянские сюжеты в уже готовый текст, что привело к несоответствиям, о которых мы говорили выше.

Большую проблему представляет оценка достоверности свидетельств Курция Руфа о парфянской истории. Попытаемся проанализировать сначала частные свидетельства Курция, которые можно проверить по другим источникам, а затем – сообщаемые им более общие сведения.

К группе частных свидетельств относятся сведения о судьбе в парфянское время отдельных городов (Персеполя, Экбатан, Гекатомпила), а также некоторых областей (в частности, Маргианы). Как мы указывали выше, пассаж, касающийся истории Персеполя в период после Александра Македонского (Curt. V.7.9), находится в разительном противоречии с предыдущей и, особенно, последующей частями текста, поскольку в нем говорится о возрождении города вскоре после Александра и о том, что «теперь им владеют парфяне», в то время как в основном тексте подчеркивается окончательная гибель Персеполя и невозможность даже для местных жителей поверить в то, что на этом месте когда-то существовал город. Необходимо отметить прежде всего полную невероятность последнего тезиса автора, поскольку грандиозные руины ахеменидского дворца и до нашего времени отмечают место нахождения города, и не заметить или спутать их совершенно невозможно.

Стремление подчеркнуть тотальный характер уничтожения города находится в логической связи с предшествующим рассказом о том, как был сожжен дворец Дария – в ходе пира, когда Александр, подстрекаемый «пьяной распутницей» Таис, первым бросил горящий факел. Эта версия, наиболее неблагоприятная для Александра, как считают современные исследователи, восходит к Клитарху¹⁹. В источниках имеются и другие изложения событий (например, см. Аг. Анаб. III.18.11–12), а Плутарх, сообщая в общем ту же версию, что и Курций Руф, тем не менее указывает, что «другие» утверждают, «будто поджог дворца был здраво обдуман заранее» (Alex. XXXVIII). Явно негативная окраска всего эпизода, которую мы видим в труде Курция, хорошо согласуется с общим отношением этого автора к Александру. В сочинении Курция Руфа Александр на начальных этапах своей карьеры наделен более положительными чертами, чем в конце. По мысли Курция, постоянная благосклонность Фортуны меняет духовный облик царя, и после победы над Дарием он превращается в жестокого тирана²⁰. Уже одно это позволяет отнестись к рассматриваемой вставке с большим доверием.

В нашем распоряжении имеются и иные материалы, подтверждающие точность информации вставки. Археологические материалы бесспорно указывают на продолжение существования города в эллинистическое время²¹. Нумизматика свидетельствует о том, что местные правители, носившие, судя по монетным легендам, титул «фратарака» или «фратадара», поддерживали местные традиции, восходящие к Ахеменидам, что, естественно, предполагает сохранение памяти о Персеполе как бывшей столице²². Наконец, Страбон (XV.3.24) совершенно однозначно говорит о подчинении Персии парфянами: «В настоящее время персы, правда, снова образовали собственное государство, но цари их подвластны другим царям: прежде – македонским, а теперь – парфянским». Таким образом, мы, кажется, с уверенностью можем полагать, что вставка в основной текст Курция Руфа, в которой говорится о судьбе Персеполя, достаточно точно отражает историческую реальность.

¹⁹ Badian E. Agis III // Hermes. 1967. Bd 95. Ht 2; Borza E.N. Fire from Heaven: Alexander at Persepolis // Classical Review. 1972. V. LXVII. № 4; Hammond N.G.L. Three Historians of Alexander the Great. Camb., 1983. P. 132.

²⁰ Маринович. Время Александра... С. 52–54. Этот же принцип, но с «обратным знаком», замечен и в описании им характера Дария (Hammond. Op. cit. P. 117).

²¹ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 121 сл.; Schippmann K. Archaeology III. Seleucid and Parthian // Encyclopaedia Iranica / Ed. E. Yarshater. V. II. Fasc. 3. London–Boston, 1986. P. 297 f.

²² Подробнее см. Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. V. 3. Leiden, 1991. P. 110–116.

Следующий город, послеалександрова судьба которого отражена в труде Курция, – Экбатаны. Автор «Истории Александра» указывает, что некогда Экбатаны были столицей Мидии, в его же время городом владели парфяне и он являлся летней резиденцией их царей. Сведения других источников полностью подтверждают свидетельство Курция Руфа. Страбон, в частности, таким образом характеризует Экбатаны: «Мидия делится на две части. Одну часть называют Великой Мидией, главный город которой Экбатаны, большой город и столица Мидийской державы (еще и теперь он служит парфянам столицей, а их цари проводят здесь по крайней мере лето, так как Мидия – страна холодная; зимой они пребывают в Селевкии на Тигре, недалеко от Вавилона)» (Strabo. XI.13.1). В состав государства Аршакидов Мидия вошла после долгой борьбы (примерно в 161–155 гг. до н.э.)²³. Митридат I захватил Мидию и назначил там правителем некоего Багаза (Just. XLI.6). В большинстве завоеванных в это время владений парфяне оставляли местные династии, ограничиваясь признанием со стороны своих новых подданных парфянского владычества. Непосредственное включение Мидии в состав домена Аршакидов, видимо, является отражением большой роли этой области в создававшейся тогда империи²⁴. Огромное значение Экбатан начиная с Митридата I подчеркивалось ролью местного монетного двора²⁵. Именно этот монетный двор был главным для восточной части государства, продолжая в этом отношении селевкидские традиции²⁶.

Послеалександрова судьба еще одного города, Гекатомпила, также отражена в труде Курция Руфа. Он называет этот город прославленным и основанным греками. Античная письменная традиция полностью подтверждает это сообщение. Аппиан (Syn. 57) уточняет, что греческий полис здесь был основан при Селевке Никаторе. Гекатомпил упоминается Плинием (NH. VI. 44), Аммианом Марцеллином (XXIII. 4.43), Стефаном Византийским (s. v. Ἐκατόμπυλος). Память об этом городе сохранилась и в зороастрийской традиции, согласно которой он был построен Аджидахаком, под чьим именем традиция скрывала царей Селевкидской династии²⁷. В Гекатомпиле находился важный селевкидский монетный двор²⁸, эту традицию унаследовали от них и парфяне²⁹. Археологические исследования на территории Гекатомпила подтвердили мнение об очень важной роли города в истории Парфии³⁰.

К сожалению, вставка в текст относительно парфянской Маргианы не дает столь же ясной картины, поскольку для этого не хватает материалов. Тем не менее можно утверждать, что некоторые из деталей сообщения Курция Руфа подтверждаются. В рассказе Курция Руфа говорится о приходе македонской армии в Мервский оазис, где уже существует город, строительство здесь шести крепостей, изменении роли этих крепостей, возводившихся для контроля над местным населением, но позднее служивших новым хозяевам (несомненно, имеются в виду парфяне). Археологические

²³ Debevoise N.C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 21.

²⁴ Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966. С. 50.

²⁵ Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1980. P. 38; Кошеленко Г.А. Монетное дело Парфии при Митридате I // НЭ. 1972. Т. X. С. 79 сл.

²⁶ Newell E.T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. With a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Mørkholm. N.Y., 1978. P. 162–227; Jenkins G.K. Notes on Seleucid Coins // Numismatic Chronicle. 1951. V. XI. № 41. P. 1–21; Le Rider G. Suse sous les Seleucides et les Parthes. P., 1965. P. 190–193, 324–340.

²⁷ Markwart J. A Catalogue of the Provincial Capitals of Erānshāhr. Roma, 1931 (Analecta Orientalia, 3). P. 12, 55.

²⁸ Newell. The Coinage of the Eastern... P. 250–259.

²⁹ Sellwood. An Introduction... P. 26; Кошеленко. Монетное дело... С. 81.

³⁰ Hansman J. The Problem of Qumis // JRAS. 1968. P. 111–139; Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-i Qumis 1967 // JRAS. 1970. P. 29–62; *idem*. A Sassanian Repository at Shahr-i Qumis // *Ibid*. P. 142–155; *idem*. Excavations at Shahr-i Qumis 1971 // JRAS. 1974. P. 1–22; *idem*. The Sassanian Coins from Qumis // JRAS. 1970. P. 156–158; *idem*. The first Parthian Ostrakon from Iran // *Ibid*. P. 63–66; *idem*. The Second Parthian Ostrakon from Qumis // Iran. 1981. XIX. P. 81–84; *idem*. Seal-Impressions of Parthian Qumis // Iran. 1982. XX. P. 161–176; Bivar A.D.H. Apapata // JRAS. 1872. P. 119–124.

исследования показали, что действительно к моменту прихода Александра на территории Мервского оазиса существовал крупный городской центр, руины которого известны сейчас как Эрк-кала³¹. С другой стороны, столь же несомненно, что со II века до н.э. Маргиана вошла в состав Парфянского царства³². К сожалению, на современном уровне археологической изученности Мервского оазиса еще нет возможности с уверенностью идентифицировать остатки тех крепостей, которые якобы были возведены во времена Александра (хотя такие попытки иногда и делались), однако вполне вероятно, что информация Курция Руфа и в этом случае верна. В этом убеждает, в частности, то, каким образом, по Курцию, были расположены эти крепости: они явно контролировали линии коммуникаций (две крепости к югу – по долине Мургаба, четыре к востоку – на пути в Согдиану). Многие исследователи подчеркивают, что завоевание Маргианы в значительной мере диктовалось именно необходимостью обеспечить прямую связь Бактрии и Согдианы с более западными частями державы Александра³³.

Таким образом, рассмотрение вставок по частным вопросам истории Парфии в труде Курция Руфа приводит к выводу, что информация в них оказывается достоверной всегда, когда это можно проверить по другим источникам. По-видимому, в распоряжении Курция Руфа был очень надежный источник, материалы которого он использовал в случаях, когда хотел «актуализировать» свое изложение путем включения материалов по истории Парфии³⁴.

Опираясь на этот вывод, попытаемся рассмотреть свидетельства Курция Руфа, касающиеся более общих вопросов ранней истории Парфии. Таких свидетельств два, причем их можно рассматривать вместе, поскольку они касаются одних и тех же событий и не содержат видимых противоречий. Как уже отмечалось, впервые общие вопросы парфянской истории затрагиваются Курцием Руфом при описании построения персидских войск в битве при Гавгамелах (IV.12.11)³⁵. Второе свидетельство содержится в рассказе о преследовании Александром Дария. Прочитаем этот отрывок: «Hinc in Parthienien perventum est, tunc ignobilem gentem, nunc caput omnium, qui post Euphraten et Tigrin amnes siti rubro mari terminatur. Scythae regionem campestris ac fertilem occupaverunt, graves adhuc acolae. Sedes habent et in Europa et in Asia; qui super Bosporum colunt, ascribuntur Asiae; at qui in Europa sunt, a laevo Thraciae latere ad Borysthenem atque inde ad Tanaim, alium amnem, recta plaga attinent. Tanais Europam et Asiam medius interfuit. Nec dubitatur, quin Scythae, qui Parthos condidere non a Bosporo, sed ex regione Europae penetraverint» (Curt. VI.2.12–14).

В двух последних фрагментах в связи с нашей темой имеют значение:

1. Указание на различие между парфиянами (Parthieni) и парфянами (точнее – парфами) (Parthi). Первый термин представлен как название народа – Parthienorum... gens и как производное от него название страны – Parthiense. Первые населяли Парфию во времена Ахеменидов, а вторые были более поздними пришельцами; именно последние стали создателями мощного государства, владевшего всеми землями за Тигром и Евфратом вплоть до Красного моря.

³¹ Усманова З.И. Эрк-кала // Труды ЮТАКЭ. 1963. Т. XII; она же. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // Труды ЮТАКЭ. 1969. Т. XIV; она же. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Древний Мерв. Ашхабад, 1989 (Труды ЮТАКЭ. Т. XIX).

³² Подробнее см. Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Die Margiana in hellenistischer Zeit // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in der Staaten des hellenistischen Zeitalter. Akten des Internationalen Hellenismus Kolloquiums 9.–14. März 1994 in Berlin / Hrsg. von B. Funk. Tübingen, 1997. S. 121–126.

³³ Шахермайр. Александр Македонский... С. 208 сл.

³⁴ Мы не решаемся высказывать мнение о том, сочинение какого именно из более ранних авторов послужило источником для Курция Руфа по проблемам парфянской истории. Не исключено, что это мог быть и труд Помпея Трога, как иногда предполагается для сочинения Курция в целом; см. Therasse J. Le moralisme de Justin (Troque-Pompée) contre Alexandre le Grand: son influence sur l'œuvre de Quinte-Curce // L'Antiquité classique. 1968. V. XXXVII. Однако в применении к парфянским сюжетам бесспорных доказательств этого нет.

³⁵ Parthienorum deinde gens, incolentium terras, quas nunc Parthi Scythia profecti tenent, claudebantagmen.

2. Мысль о том, что парфяне пришли из Скифии.
3. Утверждение о двух зонах обитания скифов: в Европе и Азии.
4. Уверенность, что скифы, основавшие Парфянское государство, были европейскими, поскольку пришли из-за Танаиса, который разделяет Европу и Азию.

Источники ахеменидского времени определенно свидетельствуют о существовании на юге современного Туркменистана и на севере Ирана исторической области, которая в ахеменидских надписях имеет название Parthava и которая, возможно, входила еще в состав Мидийской державы³⁶. Археологические материалы показывают, что своеобразная культура населявшего ее народа сложилась на рубеже II и I тысячелетий до Р.Х. и затем, подвергаясь определенным модификациям в ходе исторического процесса, тем не менее оставалась в своей основе неизменной в течение многих столетий³⁷. Эта область была завоевана Александром Македонским, затем вошла в состав государства Селевкидов. Критический момент в ее истории приходится примерно на середину III века до Р.Х. Именно тогда возникло Парфянское царство, ставшее в результате ряда завоеваний одной из «мировых держав древности».

Проблема возникновения Парфянского царства является одной из наиболее дискуссионных проблем в истории центральноазиатского региона в древности. В значительной мере эта дискуссионность порождена трудностью интерпретации источников, повествующих об этом событии. Как известно, в них присутствуют две версии возникновения Парфянского государства. Одна из них, восходящая к Арриану, представляет его как результат восстания местного населения против власти Селевкидов (точнее, против локальной селевкидской администрации); вторая версия, представленная Юстином (Помпеем Трогом) и Страбоном, то же событие объясняет кочевническим завоеванием оседлых областей³⁸. Таким образом, упоминание в сочинении Курция Руфа о скифском завоевании должно рассматриваться в русле традиции, представленной трудами Страбона и Юстина (Помпея Трога)³⁹. Свидетельство Курция Руфа увеличивает уверенность в том, что версия возникновения Парфянского государства, восходящая к Арриану, ложна.

Идея о скифском происхождении кочевников, захвативших Парфию, у Страбона выражена более отчетливо, чем у Юстина. В связи с этим важно упоминание Курция Руфа о двух этносах – парфиянах (Parthieni) и парфянах (Parthi). У других древних авторов мы также встречаемся с двумя терминами. В «Анабасисе Александра» Арриана употребляется термин Παρθαῖοι (см., например, Агр. Анаб. III.8.4: Παρθαῖους ... Φραταφέρτης ἦεν; III.15.1: ταῖς τὲ Παρθαῖους; III.20.3: ἐπὶ Παρθαῖους; и т.д.)⁴⁰. В то же время в другом своем труде, специально посвященном истории Парфии («Parthica»), Арриан употребляет другой термин – Πάρθοι⁴¹. Правда, необходимо учитывать, что оригинальный текст этого произведения не сохранился – мы имеем лишь пересказы отдельных его частей авторами более позднего времени, и, в силу этого, не можем с уверенностью сказать, какой термин употреблял сам автор. Этноним Παρθαῖοι использовали также Полибий, Страбон и Аппиан, в то время как Плутарх и Дион Кассий писали лишь о Πάρθοι⁴².

³⁶ См., например: Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963; *он же*. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985; *idem*. Perser unter den ersten Achaemeniden. Wiesbaden, 1976; Frye R.N. The History of Ancient Iran. München, 1984. Определение границ Парфии этого времени представляет сложный вопрос, которого мы в данном случае не будем касаться.

³⁷ См. Пилипко В.Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1989.

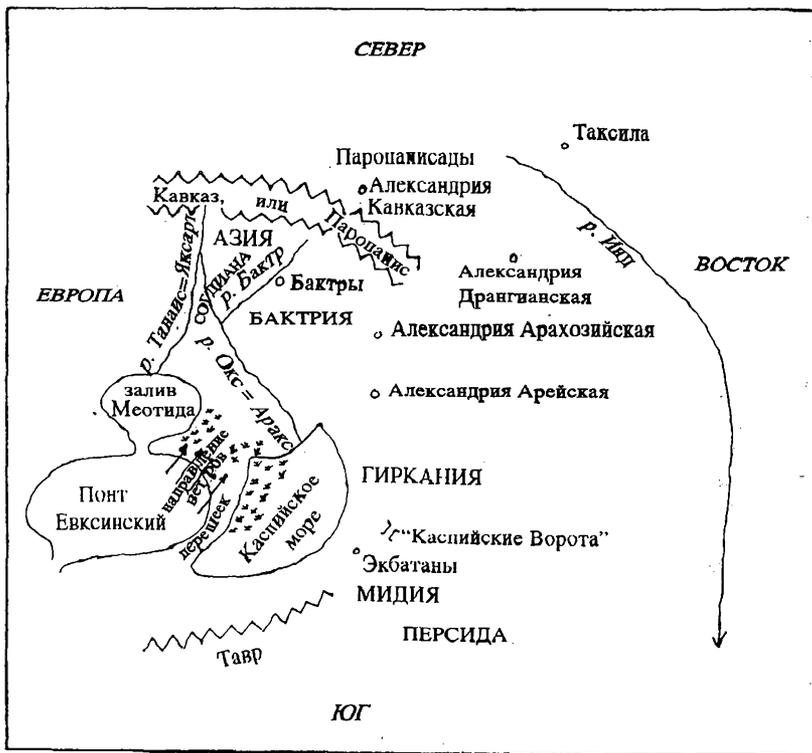
³⁸ См. Just. XL1.4.3–7; Strabo. XI.9.2–3.

³⁹ Подробнее см. Кошеленко Г.А. Генеалогия первых Аршакидов (Еще раз о нисийском остраке № 1790) // История и культура народов Средней Азии. М., 1976; *idem*. La genealogia dei primi Arsacidi (ancora sull'ostraco di Nisa № 1790) // Mesopotamia. 1982. V. XVII (там же – предшествующая литература).

⁴⁰ Э.Б. Босворт (A Historical Commentary... P. 289 f.) справедливо подчеркивает, что в «Анабасисе» присутствует лишь один этот термин.

⁴¹ Ibid. P. 289.

⁴² Ibid.

Географическая схема Клитарха (по П. Гуковски)

Употребление Курцием Руфом двух различных терминов не может вызывать сомнений и нуждается в объяснении. Мы согласны с авторитетным мнением Э.Б. Босворта, считающего, что в римское время оба являлись синонимами. Но необходимо помнить, что первоначально они синонимами не были и обозначали два различных этноса. Объяснение этому дает текст Курция: парфиями (парфиянами) он называет коренное оседлое население области Парфияны, а парфами – кочевников, завоевавших ее и позднее создавших мощное Парфянское царство.

Необходимо указать, что и в этом ощущается значительное сходство между трудами Курция Руфа и Юстина (Помпея Трога), который также называет парфов скифами и, более того, даже пытается дать этимологию этого слова, исходя из «скифского» языка: «Парфы (Parthi), которые, как бы поделив весь мир между собой и римлянами, в настоящее время держат власть над Востоком, произошли от скифских изгнанников»⁴³. Это явствует из самого их наименования, ибо на скифском языке слово "парфы" значит "изгнанники"⁴⁴ (Just. XLI.1.1–2).

При рассмотрении вопроса о том, откуда происходили те «скифы», которых упоминает Курций Руф, необходимо помнить о географических представлениях, которыми он руководствовался. Не входя в рассмотрение всех сложных вопросов, связанных с определением границ завоеваний Александра и их соотношением с границами ойкумены того времени, а также проблемы границы между Азией и Европой⁴⁵,

⁴³ *Scythorum exules fuere.*

⁴⁴ *Nam Scythico sermone exules Parthi dicuntur.*

⁴⁵ Подробнее см. *Томсон Дж.О.* История древней географии. М., 1953. С. 190 сл.; *Pedech P.* La géographie des Grecs. P., 1976. P. 80; *Goukowsky P.* Essai sur les origines du mythe d'Alexandre. V. I. Les origines politiques. Nancy, 1978. P. 149–165.

отметим лишь, что, в соответствии с мнением многих участников похода, река Сырдарья была принята за реку Дон (обе они получили одно и то же название – Танаис). Эта ошибка и ее последствия, в частности, мнение о том, что во время похода Понт Евксинский (Черное море) находился относительно недалеко, что «скифские» народы, обитавшие на реке Танаис, и были знаменитыми причерноморскими скифами, давно уже были отмечены в литературе. Однако до последнего времени эти наблюдения не были приведены в систему и связаны с проблемами традиции о завоеваниях Александра в целом. Лишь недавно П. Гуковски аргументированно показал наличие особой географической концепции, которой следовал Клитарх, и факт восприятия у него этой концепции Курцием Руфом⁴⁶. Предложенная П. Гуковски карта (рис.) дает ясное представление о географических представлениях Клитарха по Курцию Руфу. Она, в частности, подтверждает, что «европейские скифы», упоминаемые Курцием в повествовании о походе Александра, должны быть идентифицированы с кочевыми племенами, которые обитали к востоку от Сырдарьи⁴⁷.

Подведем некоторые итоги. Вставки в основной текст сочинения Курция Руфа, касающиеся истории Парфии, сделаны в соответствии с определенной системой и, по-видимому, являются результатом стремления автора «актуализировать» свое произведение путем введения в него информации, интересовавшей римское общество его времени. В связи с этим датировка создания труда Курция Руфа временем императора Нерона выглядит более предпочтительной, чем иные предлагавшиеся датировки.

Во всех случаях, когда конкретную информацию Курция Руфа о парфянском периоде можно проверить по другим источникам (письменным и вещественным), эта информация выглядит убедительной и заслуживающей доверия. Несомненно, в распоряжении Курция Руфа был надежный источник, точно определить который, однако, трудно.

Сообщение Курция Руфа о возникновении Парфянского царства в результате кочевнического завоевания в своих основных чертах совпадает с информацией Страбона и Юстина (Помпея Трога). Если принять во внимание вывод о высокой надежности источника Курция по парфянским вопросам, это совпадение можно считать доводом в пользу достоверности версии Страбона и Юстина (Помпея Трога) и недостоверности версии Арриана.

Основной зоной обитания кочевников, завоевавших Парфию и создавших великую Парфянскую державу, по-видимому, были территории к востоку от Сырдарьи. Это согласуется со взглядами и географической схемой Клитарха, которую использовал Курций Руф.

«HISTORY OF ALEXANDER THE GREAT»
BY CURTIUS RUFUS AS A SOURCE ON HISTORY
OF PARTHIA

G.A. Koschelenko, A.N. Bader, V.A. Gaihov

The text of «History of Alexander the Great» by Curtius Rufus (as well as other books on the subject) contains a number of insertions breaking the narration to inform the readers of the subsequent destiny of the cities, peoples and regions mentioned in the main text. These insertions make the text more relevant by connecting in with events and phenomena of the time of its publication.

A distinctive feature of the work of Curtius Rufus is the considerable number of such insertions, with overwhelming majority of them devoted to history of Parthia. In all instances when his information about events in Parthian history can be verified with the help of other sources, it turns out to be reliable.

On the basis of the above a conclusion can be made that Curtius Rufus had a trust worthy source on Parthian history, but it is hardly possible to identify it today. It can also be supposed that the analysis of Parthian topics in the work by Curtius Rufus is an argument in favour of dating it to Nero's time.

⁴⁶ *Goukowsky*. Op. cit. P. 155–159.

⁴⁷ *Ibid*. P. 158.

Of particular importance for the analysis of Parthian history proper is the information about the difference between two peoples: Parthies and Parthians. The former are the settled indigenous inhabitants of the province of Parthene, and the latter are the nomads who conquered them. This conclusion is another argument in favour of the reliability of the scheme of early Parthian history suggested by Strabo and Justinus (Pompeius Trogus) and against the scheme in «Parthica» by Arrianus.

© 1998 г.

Д.Е. Афиногенов

ПСЕВДО-МЕЛИТОН: ПРОБЛЕМЫ ВЕРЫ И ВЛАСТИ В ОДНОМ РАННЕСИРИЙСКОМ ТЕКСТЕ

Памятник, который рассматривается в этой заметке, занимает довольно изолированное положение в сирийской литературе, поскольку его трудно связать с какой-либо определенной традицией или направлением. Название, под которым его чаще всего цитируют, – «Апология Псевдо-Мелитона» – вводит в заблуждение относительно жанра произведения, поскольку различия между ним и сочинениями ранних христианских апологетов, появившимися примерно в то же время, весьма велики. В рукописном же надписании употреблено слово *temga*, т.е. «слово», в том же смысле, что и, например, «Слово к эллинам» Татиана. Как будет подробно рассказано ниже, по содержанию наш памятник напоминает скорее княжеское зеркало или протрептик.

Нельзя сказать, чтобы «Слово Псевдо-Мелитона» совсем не пользовалось вниманием со стороны ученых. В конце прошлого века появилось несколько публикаций, посвященных изданному впервые в 1855 г. У. Кьюртоном¹ тексту, итог которым подвела большая работа Т. Ульбриха², однако с тех пор сколько-нибудь детальных исследований больше не появлялось. Представляется целесообразным дать перечень основных поставленных тогда проблем и краткий обзор предложенных решений: 1) место и время возникновения; 2) адресат произведения; 3) религиозная принадлежность автора; 4) оригинальный язык; 5) авторство.

1. По первому вопросу разногласий практически нет. Тесное знакомство автора «Слова» с локальными традициями Эдессы и в особенности Маббуга (Иераполя) указывает именно на этот регион³. Время, – по-видимому, рубеж II и III вв., хотя Т. Ульбрих делает попытку сузить датировку до 202–206 годов или даже до 203–204 годов⁴.

2. Относительно адресата можно с уверенностью утверждать, что он, во-первых, – царствующая особа (см. особенно с. 28–29), а во-вторых, безусловно, не римский император (ср. с. 24). В сочетании с предыдущими данными это наводит на мысль о правителе одного из полунезависимых царств в буферной зоне между Римом и Парфией. Естественно, первое, что приходит в голову, – отождествить адресата «Слова» с Авгаром VIII, царем Осроены, – тем самым, который, по преданию, обратился в

¹ *Spicilegium Syriacum* / Ed. W. Cureton. L., 1855. P. 22–31. Цифры в скобках означают страницы этого издания (сирийская пагинация).

² *Ulbrich Th.* Die pseudomelitonische Apologie. Kirchengeschichtliche Abhandlungen 4. Breslau, 1906. S. 69–148.

³ *Ibid.* S. 132–133.

⁴ *Ibid.* S. 140. Датировка «Слова» 169-м годом (см. *Vermander J.-M.* La parution de l'ouvrage de Celse et la datation des quelques apologies // *Révue des Études Augustiniennes.* 1972. 18. P. 27–42) основана на признании обращения к императору Антонину Пию подлинным, что крайне маловероятно.